

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ / CULTURAL LINGUISTICS

Ю.Д. Егоркина
Yu.D. Egorkina

ВЕРБАЛЬНЫЙ ОБЕРЕГ КАК МЕХАНИЗМ КОДИРОВАНИЯ САКРАЛЬНОГО СМЫСЛА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

VERBAL AMULET AS A MECHANISM FOR CODING SACRED MEANING IN TRADITIONAL CULTURE

Статья посвящена исследованию вербальных оберегов как лингвокультурного феномена, выполняющего функцию кодирования традиционных представлений в русской народной традиции. Актуальность работы определяется необходимостью изучения механизмов сохранения архаичных смыслов через устойчивые речевые формулы, которые выступают важным элементом передачи культурного кода. Цель исследования заключается в выявлении способов кодирования сакрального знания в структуре обережных текстов, а также в определении их роли в формировании и сохранении традиционной картины мира. В качестве материала использованы тексты заговоров, апотропеических высказываний и обрядовых формул. Методологическую основу исследования составляет функционально-семиотический подход, позволяющий рассматривать вербальные обереги как сложные знаковые системы, интегрирующие языковые, ритуальные и символические компоненты. В результате анализа выделены четыре ключевых механизма кодирования смыслов: архетипизация лексики, при которой слова приобретают мифопоэтическую значимость; стереотипизация формы, обеспечивающая устойчивость речевых конструкций; символизация концептов, связывающая текст с мифологическими и космологическими моделями; перформативность высказывания, превращающая речь в сакральное действие. Установлено, что обережные тексты актуализируют фундаментальные бинарные оппозиции (добро/зло, свое/чужое, сакральное/профанное) через устойчивые лексико-синтаксические паттерны, что отражает глубинные структуры традиционного мировоззрения. Особое внимание уделяется роли ритуального контекста, который усиливает сакральную силу оберегов и обеспечивает их эффективность. Полученные данные существенно расширяют и углубляют современное научное понимание ключевой роли и функционального значения вербальных оберегов в традиционной культуре, которые выступают не только как защитные формулы, но и как важнейшие мнемонические инструменты трансляции, сохранения и актуализации глубинных пластов культурной памяти. Результаты исследования могут быть применены в дальнейших работах по фольклористике, лингвокультурологии

и антропологии, также в изучении механизмов сохранения архаических элементов в современном языковом сознании. В перспективе возможно проведение сопоставительного анализа вербальных оберегов в различных этнокультурных традициях, что позволит выявить их универсальные особенности.

Ключевые слова: вербальный оберег, культурное знание, лингвокультурология, перформативность, апотропеическая функция.

The article is devoted to the study of verbal charms as a linguistic and cultural phenomenon that performs the function of encoding traditional representations in the Russian folk tradition. The relevance of the work is determined by the need to study the mechanisms of preserving archaic meanings through stable speech formulas, which are an important element in the transmission of the cultural code. The purpose of the study is to identify ways of encoding sacred knowledge in the structure of coastal texts, as well as to determine their role in shaping and preserving the traditional worldview. The texts of conspiracies, apotropaic statements and ritual formulas are used as the material. The methodological basis of the research is the functional-semiotic approach, which allows us to consider verbal charms as complex symbolic systems integrating linguistic, ritual and symbolic components. As a result of the analysis, four key mechanisms of encoding meanings are identified: archetypization of vocabulary, in which words acquire mythopoeic significance; stereotypization of form, which ensures the stability of speech structures; symbolization of concepts, linking the text with mythological and cosmological models.; the performativity of utterance, which turns speech into a sacred act. It is established that protective texts actualize fundamental binary oppositions (good/evil, one's own/another's, sacred/profane) through stable lexical and syntactic patterns, which reflects the deep structures of the traditional worldview. Special attention is paid to the role of the ritual context, which enhances the sacred power of amulets and ensures their effectiveness. The data obtained significantly expand and deepen the modern scientific understanding of the key role and functional significance of verbal charms in traditional culture, which act not only as protective formulas, but also as the most important mnemonic tools for translating, preserving and updating deep layers of cultural memory. The results of the research can be applied in further works on folklore studies, linguoculturology and anthropology, as well as in the study of the mechanisms of preservation of archaic elements in the modern linguistic consciousness. In the future, it is possible to conduct a comparative analysis of verbal charms in various ethnocultural traditions, which will reveal their universal features.

Key words: verbal amulet, cultural knowledge, linguacultural studies, performativity, apotropaic function.

DOI: 10.24888/2079-2638-2025-66-3-68-75

Современные исследования все более подчеркивают роль языка как ключевого механизма хранения и трансляции культуры. Как справедливо отмечает Т.Ю. Сазонова, «нерасторжимая связь языка и культуры является общепризнанной, тем не менее исследование природы этой связи и ее влияния на сохранение и передачу культурных значений с одной стороны и культурных ценностей с другой остается актуальной» [7, 78].

Особое место в системе языковых средств хранения и передачи культурного знания занимают вербальные обереги – устойчивые речевые формулы, обладающие защитным потенциалом и насыщенные мифопоэтическими, религиозными и символическими смыслами. Эти тексты функционируют в пограничных, уязвимых или сакрализованных ситуациях, сопровождая обряды, ритуалы, трудовую и повседневную практику. Слово

в этом контексте утрачивает нейтральную коммуникативную функцию и превращается в акт действия, направленного на защиту, изгнание опасности, благословение или стабилизацию мира.

Понимание сущности оберега в научной литературе далеко не однозначно. Как отмечает Е.Е. Левкиевская, термин «оберег» может интерпретироваться по-разному в зависимости от исследовательского подхода. В ряде работ он определяется как малый фольклорный жанр – краткие вербальные формулы, направленные на защиту от зла и сглаза («*тьфу, тьфу, чтобы не сглазить*», «*соль тебе в очи, головня в зубы*») [3, 7]. Однако жанровый подход, сосредоточенный на формальных признаках, исключает из рассмотрения множество текстов, обладающих сходной функцией, но относящихся к иным жанровым системам. Как показывает северорусская традиция, слово «оберег» не ограничено конкретным жанровым типом: оно может обозначать как заговор, так и наговоренный предмет, растение, вещество или изображение.

Более продуктивным оказывается функциональный подход, согласно которому оберег – это не столько жанровая, сколько функциональная единица, наделенная способностью предотвращать потенциальную опасность. В таком понимании к оберегам могут быть отнесены любые тексты и действия, обладающие охранительным эффектом. Тем не менее, чрезмерное расширение понятия на основе одной лишь функции делает его трудно операционализируемым. В качестве ограничителя здесь выступает семантический подход, фокусирующийся на наличии апотропеических мотивов и образов. Как подчеркивает Е.Е. Левкиевская, собственно обереговыми могут считаться те тексты, в которых апотропеическая функция поддерживается и определяется соответствующей семантикой [3, 9]. Таким образом, оберег следует рассматривать как феномен, возникающий на пересечении функционального и семантического аспектов.

С учетом вышесказанного, вербальный оберег в традиционной культуре предстает не просто как элемент фольклора или магической практики, а как форма репрезентации и кодирования культурного знания.

Вербальные обереги представляют собой формы традиционного типа мировосприятия, в котором слово обладает магической силой, а речь – перформативным потенциалом. С.А. Мироненко отмечает, что «перформативные высказывания сами влекут за собой действия, которые они называют, и могут удаваться или не удаваться, т.е. быть успешными или неуспешными» [5, 27]. Высказывание С.А. Мироненко подчеркивает ключевую характеристику традиционного типа мировосприятия, в котором слово рассматривается как действенная сила. В этом контексте вербальный оберег функционирует как перформатив: его эффективность зависит не столько от логического содержания, сколько от самой речевой формы, способной вызывать изменения в действительности. Мы приходим к выводу, что обереговые формулы являются примером языковых актов, в которых слово и действие неразделимы. Данные речевые конструкции не только транслируют архаические представления о мире и человеке, но и кодируют устойчивые культурные знания: о сакральных границах, добрых и злых силах, нормах поведения, допустимом и запретном. Именно поэтому вербальный оберег может быть рассмотрен как особый механизм кодирования, фиксации и трансляции ценностно-нормативного содержания культуры. Как подчеркивает Г.В. Токарев, «такие единицы языка позволяют проследить специфику лингвокультурной прагматики, определить базовые культурные значения и представить особенности национального менталитета» [9, 7]. Исследование вербального оберега с этой позиции раскрывает его как текст культурной значимости.

Вербальный оберег представляет собой особый тип устойчивой речевой единицы, возникшей и функционирующей в рамках традиционного (в первую очередь – фольклорного и обрядового) дискурса. Он является формой языковой репрезентации культурного знания, включающего в себя коллективные представления о добре и зле, сакральном и профанном, дозволенном и запретном, норме и отклонении. Языковой оберег

не просто отражает эти представления – он активизирует их, производит их в слове, делая речь действием.

Культурологически и семиотически обереговая формула – это символическое высказывание, насыщенное кодами архаического сознания. Она актуализирует систему традиционных символов (Бог, ангел, нечистая сила, болезнь, огонь, крест), мифологических сюжетов (борьба, изгнание, защита), архетипических действий (благословение, охрана, изгнание, «закрытие» пространства), а также стереотипных речевых структур, устойчивых к изменениям и сохраняющих форму на протяжении поколений.

С лингвокультурологической точки зрения вербальный оберег может быть отнесен к особой разновидности языковых знаков, в которых зафиксированы:

- нормативные поведенческие сценарии (например, как следует защищать ребенка от сглаза – «не сглазь, тьфу-тьфу», «спаси и сохрани»),
- ценностные установки (вера в защиту свыше, сакральную силу слова),
- ритуальные действия, реализуемые посредством речи.

Важнейшей особенностью вербального оберега как формы культурного знания является его перформативная природа. Такое высказывание не описывает, а производит действие. Оно не информирует о защите, а защищает, не говорит о границе между добром и злом, а очерчивает ее. В этом контексте полезно обратиться к классической типологии речевых актов, согласно которой языковое высказывание включает три уровня: локутивный акт (акт произнесения и смысловой передачи), иллокутивный акт (намерение и модальность речи – просьба, запрет, защита), и перлокутивный акт, который ориентирован на психологическое или поведенческое воздействие на адресата. В структуре вербального оберега доминируют иллокутивная сила и перлокутивный эффект, поскольку оберег не просто сообщает, но производит сакральное действие, влияя на ход событий, эмоциональное состояние и структуру мира [2, 49]. Оберег в этом контексте не просто коммуникативно воздействует на адресата, но и символически «вмешивается» в структуру мира, трансформируя его в соответствии с желаемым результатом – будь то защита, очищение, изгнание или благословение. В.И. Жельвис, опираясь на концепцию сакрального, разработанную В.И. Забияко, подчеркивает: «Сакральные сущности воспринимаются сознанием как принципиально отличные от обыденной реальности и исключительно ценные. Это реальность высшего, непостижимого уровня, обладающая магическим могуществом. Она внушает священный ужас, отчего объявляется неприкасаемой и табуируется. Сакральные сущности подлежат почитанию и всевозможной защите» [1, 104].

Мы считаем, что оберег выступает как не просто речевая формула, а прикосновение к сакральному тексту, подчиненному иным законам действия, восприятия и хранения. Именно поэтому он требует строгого соблюдения формы, контекста произнесения и ритуальной точности, а отклонение от нормы воспринимается как нарушение сакрального порядка.

Стоит обратить внимание, на концепцию ключевых слов, связывающих язык и культуру через устойчивые ценностные и символические компоненты. Как отмечает Н.Ю. Рябова, опираясь на идеи А. Вежбицкой, «Ключевые слова представляют собой слова, особенно важные и показательные для определенной национальной или этнокультуры» [6, 202]. С этой точки зрения, многие лексемы, типичные для обереговой речи (*беречь, зло, глаз, сила, чистый, святой, ограда*), могут рассматриваться как культурно значимые репрезентанты мировоззренческих ориентиров, глубоко укорененных в русской языковой картине мира. Именно такие слова структурируют сакральное пространство оберега, выражают границы между добром и злом, своим и чужим, опасным и охраняемым. Их частотность, устойчивость и культурная нагруженность делают их неотъемлемыми элементами лингвокультурного кода, активирующего коллективную память и ритуальное поведение.

Вербальные обереги представляют собой особую форму репрезентации сакрального и нормативного знания, структурированного в традиционном коллективном сознании. Это знание не передается напрямую, а кодируется с помощью устойчивых речевых формул, символических образов, аллюзий, ритуальных текстов и грамматико-стилистических средств. Механизмы кодирования позволяют оберегам выполнять функции не только защиты и воздействия, но и фиксации и передачи коллективной памяти, обеспечивая преемственность культурной традиции. Рассмотрим ключевые способы такого кодирования.

Первый и фундаментальный механизм – лексическая архетипизация, при которой отдельные слова выступают не просто как обозначения, но как хранилища мифопоэтического смысла. Обереги строятся на основе слов, в которых закреплены культурно значимые образы – *охраны, изгнания, силы, границы, света, высшей воли*. Так, в заговоре от злых людей говорится: «...они ставят вокруг имьярека железный тын; Богородица замыкает тын золотыми ключами...» [10, 143]. Здесь такие лексемы, как *тын, ключ, Богородица*, несут в себе не только описательные значения, но и целые культурные концепты: сакрализованное ограждение, высшая защита, замыкание пространства от внешней угрозы. Подобные слова функционируют как знаки второго порядка (по Р. Барту), в которых содержится сжатый объем традиционного знания о взаимодействии человека с миром и невидимыми силами.

Если архетипизация закрепляет в лексемах сакральное содержание, то следующий механизм – стереотипизация формы – обеспечивает устойчивость и воспроизводимость этих структур в культуре. Обереги передаются в фиксированном виде, часто в ритмически или риторически отлаженных формулах, сопровождающихся ритуальными действиями. Примером может служить заговор от сглаза: «...от млада месяца, от буйна ветра, от лиха человека, от его думы и смыслу...» [10, 97]. Повторяющаяся структура («от... от... от...») не только усиливает закликательный ритм, но и моделирует структуру угрозы, обозначая ее многослойность. Стереотипная формула работает как культурный шаблон: независимо от конкретного содержания, она активизирует защитное действие, закодированное в самой форме.

Третий важный механизм – символизация, то есть использование устойчивых образов, восходящих к мифологическим и космологическим моделям мира. Через символы кодируется не только защита, но и *структура мироздания, и позиция человека в нем*. Так, в заговоре на победу в борьбе используется выражение: «Стоит дуб, у того дуба три кузницы, три тынины железныя от земли до небеси...» [10, 430]. Здесь *дуб* – космическое древо, *три кузницы* – образы преобразования и силы, *три тыны* – вертикальная сакральная защита. Все элементы заговора выступают как культурные знаки, кодирующие знание о границах между мирами, сакральных сферах и механизмах охраны. Такие тексты не просто защищают – они обозначают модель упорядоченного мира, где каждое понятие имеет свое место и функцию.

Особое место в системе символов традиционной культуры занимает *дождь* как образ, насыщенный мифопоэтическими смыслами. В народных представлениях он символизирует плодородие, слезы, очищение и сакрализованную силу воды. Его вызывание с помощью речевых практик, обращенных к умершим, отражает архаическую веру в связь между мирами и в действенную силу слова. Так, в Черниговской губернии во время засухи звали утопленника по имени: «Петр, дайте нам дождя», а в Мозырском районе *голосили*: «Макарко утопился... разлей слезы по святой земле!» [8, 106]. Несмотря на то, что подобные обращения не соответствуют жанровому определению оберега, они выполняют сходную *апотропеическую функцию*: направлены на устранение угрозы (засухи, неурожая), стабилизируют природный порядок и обеспечивают защиту общины. Эти речевые акты перформативны: слово не описывает желаемое, а инициирует сакральное вмешательство. Дождь осмысливается как результат действия умершего, а обращение – как магико-речевое вмешательство.

Завершающим, но, пожалуй, самым действенным механизмом является перформативность – способность слова производить эффект через сам факт произнесения. В традиционном сознании слово – это не описание, а *действие*, и обереговая формула превращается в акт преобразования действительности. Например, в заговоре от мышей говорящий произносит: *«Камень то им хлеб, а древо волога... за толико лет не начнут ясти мыши сего хлеба»* [10, 325]. Здесь речь создает новый символический порядок, в котором камень и дерево подменяют реальный хлеб. Речевая формула при этом не информирует, а устанавливает правило, управляя действиями предполагаемого нарушителя (в данном случае – мышей). Такое речевое воздействие кодирует знание о власти слова над реальностью, закрепленное в обрядах, сказах, магических практиках.

Каждый из этих четырех механизмов работает не изолированно, а в системе, формируя многослойный семиотический каркас обереговой речи. Благодаря этому обереги одновременно хранят, передают и активируют культурную информацию, обеспечивая ее устойчивость в коллективной памяти и способность к трансформации в новых историко-культурных контекстах.

Особое внимание заслуживает типология апотропеических моделей, предложенная Е.Е. Левкиевской. Исследовательница выделяет одиннадцать сценариев защитного действия, разделенных на три категории: «Четыре модели относятся к оберегам, охраняющим объект (окружение, преграждение, разграничение, укрывание); ко второй категории, воздействующей на источник опасности, относятся нейтрализация, удар, уничтожение, отгон и задабривание; к третьей – апотропеизация, при которой объекту приписываются защитные свойства. Модель замещения объединяет признаки первой и второй категорий» [3, 57]. Эта типология представляет собой важнейший инструмент описания способов кодирования культурного знания в обереговой речи. Каждая из моделей отражает закрепленную в языке и традиции стратегию взаимодействия с угрозой, которая структурирует представления о границах допустимого, механизмах защиты и способах взаимодействия с потусторонним. Обереговая формула в этом контексте не просто действует – она фиксирует культурно значимую схему поведения, закодированную в слове. Так, модели окружения, преграждения или разграничения кодируют знание о сакральных границах и необходимости их защиты. Модели удара, уничтожения и отгона зашифровывают коллективный опыт активного противостояния опасности, а задабривание – знание о допустимых формах взаимодействия с враждебным, но неустранимым. Модель апотропеизации выражает архетипическое представление о передаче сакральной силы через слово. Модель замещения, объединяя действия на объект и источник угрозы, показывает сложность мифопоэтической логики и отражает веру в символический перенос зла – механизм, глубоко укорененный в традиционной культуре.

Мы приходим к выводу, что модель апотропеического действия выполняет не только защитную функцию, но и кодирует определенную когнитивную схему восприятия мира, фиксируя границы между сакральным и профанным, безопасным и угрожающим. Обереговая речь в данном случае становится инструментом моделирования сакрального порядка, в котором угроза не просто обозначается, но нейтрализуется через традиционно закрепленный вербальный сценарий.

Следует отметить, что типология Е.Е. Левкиевской демонстрирует, что в обереговой системе отсутствует единый универсальный способ защиты: напротив, речевые стратегии подбираются в зависимости от характера угрозы, ее источника и культурной интерпретации. Так, обереги против природных стихий (грозы, молнии, града) чаще всего построены по моделям преграждения и отгона; в то время как защита от болезней или «дурного глаза» активирует модели укрывания, задабривания или замещения. Эти различия отражают глубинные механизмы классификации опасности в традиционном сознании и позволяют говорить о том, что каждая обереговая формула – это не только сакрализованное высказывание, но и лексико-семантический код, включающий в себя опыт поколений, зафиксированный в устойчивой языковой структуре. Обращение к этой типологии

позволяет нам точнее понять, каким образом культурное знание не только сохраняется, но и репрезентируется в речевой практике, становясь элементом когнитивной и ритуальной активности носителей культуры.

Культурное знание, закодированное в вербальных оберегах, отражает собой не просто фрагменты традиционных представлений, но целостную модель миропонимания, характерную для мифопоэтического сознания. Обереги сохраняют и транслируют ключевые концепты, лежащие в основе языковой картины мира, и именно через эти концепты формируется способ восприятия, оценки и интерпретации действительности в рамках традиционной культуры. Структура этого знания базируется на оппозиционном принципе, где мир делится на фундаментальные пары понятий: сакральное и профанное, доброе и злое, свое и чужое, живое и мертвое, упорядоченное и хаотичное. Эти бинарные дихотомии не просто отражаются в языке – они структурируют мышление, упорядочивают опыт и закрепляют социальные и космические ориентиры.

Так, обереговая формула может кодировать:

– Добро / зло – «С Богом!», «Во имя Отца и Сына...» противопоставляются выражениям типа «От лукавого»;

– Святое / нечистое – «Чистая сила Божия» против «темной силы»;

– Жизнь / смерть – через тексты, сопровождающие рождение, смерть, крещение, похороны;

– Порядок / хаос – «закрываю ключом, запираю замком» или «огради меня, Господи»;

– Свои / чужие – «чужая сила, уйди прочь», «не твое место, не твой час».

Подобные формулы выполняют не столько информационную, сколько регулятивную функцию: они структурируют поведение, маркируют границы дозволенного и недопустимого, создают ощущение безопасности в мире, полном потенциальных угроз.

Дополнительное подтверждение ритуальной функции сакрализованного слова дает свадебный фольклор, в котором обереговая речь тесно переплетается с благопожеланиями, формулами перехода и сакрального благословения. Так, в подготовительной части свадебного обряда, в момент приглашения гостей или проводов невесты, может использоваться формула «Будь весела (веселый), як весна, здорова (здоровый), як вода, богата (богатый), як земля» [9, 69]. Данная речевая формула одновременно сакрализует адресата и актуализирует ключевые культурные концепты, связанные с жизненной силой, естественным циклом и благосостоянием.

Важной частью культурного знания является и вера в действенную силу слова, способного не просто отражать, но и формировать реальность. В традиционной культуре слово наделяется магической природой – оно «работает», изменяет ход событий, защищает, очищает или изгоняет. Слова выступают как действия: произнесенное реализует задуманное, а не просто сообщает о нем.

Вербальный оберег – это сложное культурно-языковое явление, сочетающее защитную и репрезентативную функции. В его формулах закодирована система культурных знаний, отражающая традиционную картину мира через бинарные оппозиции (добро/зло, свое/чужое). Эти знания передаются не прямо, а через лексемы, символы и перформативные речевые акты. Механизмы кодирования (архетипизация, стереотипизация, символизация, перформативность) показывают, как сакральное знание вплетается в язык, формируя ритуальную речь. Фольклорные заговоры и обрядовые формулы подтверждают, что обереги – устойчивые конструкции, сохраняющие коллективную память и влияющие на поведение. Таким образом, обереговая формула – не просто текст, а знак культурной памяти, передающий архетипы, страхи и нормы. Она остается функциональной даже в меняющихся условиях, работая по законам культурной, а не линейной истории [4, 615]. Сакральное знание не исчезает, а кодируется в речи, сохраняется в фольклоре и актуализируется в кризисных ситуациях. Это делает вербальный оберег не только магическим инструментом, но и элементом мнемосемантической системы – носителем коллективной памяти.

1. Жельвис В.И. Сакрализованный текст как объект переложения // *Вопросы психолингвистики*. 2016. С. 103–109.
2. Кулубекова А.О., Исмаилова Б., Джумабаева А.Э. Теория речевых актов в современной лингвистике // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2023. С. 48–50.
3. Левкиевская Е.Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М., 2002.
4. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.
5. Мироненко С.А. Определение понятий «Перформативность» и «Перформанс» в научно-исследовательском дискурсе // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение*. 2014. С. 25–31.
6. Рябова Н.Ю. Национальный язык и культура как объекты лингвокультурологии // *Сибирский филологический журнал*. 2010. С. 197–204.
7. Сазонова Т.Ю. Модели репрезентации культурного знания // *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2009. С. 77–86.
8. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Ин-т славяноведения РАН. М., 1995. Т. 2.
9. Токарев Г.В. Языковой оберег как лингвокультурная единица // *Когнитивно-дискурсивная лингвокультурология и стилистика. Материалы научной школы – 2014. Вып. 2. Тула, 2015. С. 5–7.*
10. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
11. Топорков А.Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв. М., 2005.